
Андрей Гусев
Теплый лад

Андрей Гусев

Тёплый лад

«Автор»
2026

Гусев А.

Тёплый лад / А. Гусев — «Автор», 2026

Ясна и Ярим просыпаются в приветливом Радушье и обнаруживают, что разучились чувствовать привычную радость. Найденный в траве Скреп, маленький механический спутник с треснувшим корпусом, отправляется с ними искать ответы. Дорога ведёт через Сумеречные Плёсы к скованному Стужей Роднику.По пути они встречают тех, кому нужна помощь, ошибаются, спорят и понемногу сближаются. Но чем ближе источник холода, тем заманчивее обещание покоя, в котором больше не придётся испытывать боль. Чтобы освободить Родник, каждому предстоит сделать собственный выбор — и доверить другим то, чего нельзя решить самим.«Тёплый лад» — сказочная повесть о дружбе, зарождающейся любви и трудном умении оставаться рядом, когда одного доброго намерения мало.

© Гусев А., 2026
© Автор, 2026

Андрей Гусев
Тёплый лад

Глава 1. С этой стороны

Под яблоней

— Кто там?

Из-за ствола выглянул парень. На щеке у него отпечаталась травинка.

— Ярим. А тебя как зовут?

— Ясна. Ты здешний?

— Я сам хотел у тебя спросить, куда меня занесло.

Он порылся в траве, выбрал яблоко покрасивее, обтёр рукавом и подал ей. С одного бока оно было жёлтое, с другого такое румяное, словно всё лето провисело к солнцу одной щекой.

— Это я бабушке, — сказала Ясна и сунула яблоко в карман.

Только куда его нести? За плетнём лежала дорога. По одну сторону виднелись крыши за садами, по другую до самого горизонта тянулись луга.

— Ты про Золотую реку слыхал? У нас там деревня.

Ярим покачал головой.

Ясна погладила яблоко сквозь карман. Бабушка срезала кожуру одной длинной лентой. Бывало, лента оборвётся, бабушка съест кончик и скажет: «Ну вот, нечаянно позавтракала». Ясна всегда начинала смеяться ещё на слове «нечаянно». Сейчас она вспомнила даже бабушкин голос. Куда же делся смех?

— Ты хоть помнишь, как сюда попал? — спросила она. — Я вот всё про дом вспоминаю, а как ушла из дому — хоть убей.

Ярим повертел в пальцах огрызок.

— А я пробовал вспомнить, как из дому вышел. Дальше крыльца дело не идёт. На нижней ступеньке у нас сучок торчит. Даже знаю, куда ногу ставить, когда босиком. А всё кажется — попрошусь в дом, мне скажут: «Ты к кому?»

За плетнём, там, где виднелись крыши, хлопнула калитка.

— Пойдём к людям. Кто-нибудь да знает, где мы, — сказала Ясна.

Они выбрались на дорогу через проём в плетне. Над ним низко висела надломленная яблоневая ветка. Ясна придержала её для Ярима. Он прошёл под веткой и тронул Ясну за рукав. Из травы у большого камня торчал металлический башмак.

За камнем навзничь лежал робот. Бок у него был вмят, крышечка на груди треснула. В щели тускло светилось что-то похожее на стеклянное зёрнышко.

Ясна опустилась возле него на колени. Металлические пальцы сгребли пучок травы. Робот повернул к ней голову, потом к Яриму.

— Вас двое. Хорошо.

— Тебе помочь сесть?

— Минутку. Земля качается.

Ярим присел с другой стороны.

— Вроде бы нет.

— Тогда хорошо, что я пока лежу. Меня Скрепом зовут.

Ярим свернул свой платок и подсунул ему под затылок. Скреп разжал пальцы. Ясна пересела поудобнее, чтобы не раздавить яблоко. Из-за дальних садов донеслось: «Ми-итя, иди завтракать!» Ясна прислушалась. Вот бы и её так позвали. Хоть бы и сердито.

— Вы ведь куда-то шли, — сказал Скреп.

— До домов недалеко, — отозвался Ярим. — Успеем.

Скреп перевернулся на здоровый бок, сел и положил ладонь на камень. Ярим предложил ему локоть. Скреп мотнул головой. Ярим убрал руку и остался сидеть рядом. Скреп подтянул

под себя ногу, упёрся в камень и встал. Ясна поднялась следом. Скреп оказался ниже её ростом. Одной рукой он держался за камень, другой тихонько постучал по крышечке.

— Держится. Уже хорошо.

— Кто тебя так? — спросила Ясна.

Скреп поднял к ней голову.

— Можно, я пока не буду рассказывать?

А если тот, кто его ударил, всё ещё поблизости? Ясна оглядела дорогу до самого поворота. Никого. Так и подмывало спросить: «А он ушёл?» Скреп ждал её ответа.

— Можно, — сказала Ясна.

Он шагнул от камня. Под башмаком покатился голыш. Ясна протянула руку. На этот раз Скреп взялся за неё. Выйдя на ровное, отпустил.

— В деревне, может, кузнец есть, — сказал Ярим. — Дойдёшь?

— Дойду.

Ярим поднял из травы платок. Скреп снял с уголка прилипшую былинку.

— Оставь себе, — сказал Ярим.

— Тогда повяжи мне на руку.

Ярим обернул платок вокруг его запястья и связал концы. Скреп вышел на дорогу и пропустил Ярима вперёд. Возле помятого бока он оставил место и оглянулся на Ясну.

— Ты с этой стороны пойдёшь?

— С этой, — сказала она и пошла рядом.

Узелок на плетне

За плетнём ворона завтракала яблоком. Клюнет — яблоко от неё покатится, она за ним вприпрыжку. Наконец догадалась придержать завтрак лапой. Ясна обернулась к Скрепу. Видел ли? Скреп прижимал ладонью крышечку на груди. Стоило ему отнять руку, как на каждом шагу что-то начинало постукивать.

— Больно, когда стучит? — спросила Ясна.

— Пока держу, всё в порядке.

У развилки на столбике висел полотняный узелок. «Обронил кто-то», — подумала Ясна и посмотрела, нет ли впереди на дороге прохожего. А Ярим уже нагнулся к дощечке, прибитой под узелком, и прочитал вслух:

— «Кому в дорогу понадобится — возьмите. Вернётесь — пополните».

Ясна развязала узелок. В нём лежали мелкие монетки, два блестящих камешка и чистая полоска полотна, свёрнутая в рулончик.

— Скреп, а если подвязать?

Он приложил конец полоски поперёк крышечки.

— Вот так бы и оставить. Обведёшь вокруг? Я подержу.

Скреп придержал полоску на груди и приподнял другую руку. Ясна провела полотно у него за спиной, свела концы на здоровом боку и завязала. Скреп убрал ладонь с крышечки, сделал несколько шагов. Только песок поскрипывал под башмаками.

— Удивительно разумная дощечка, — сказал он.

— А без дощечки ты бы взял?

— Без дощечки я бы составил список возможных владельцев.

— Длинный?

— Отсюда до конца дороги. Если дорога не повернёт.

Ясна снова завязала узелок и повесила чуть сбоку, чтобы он не заслонял надпись. Из травы у столба торчал конец прямой палки. Ясна подняла её. Палка удобно легла в руку. За поворотом кто-то сердито сказал:

— Да стой же ты!

У самой земли горел золотистый огонёк величиной с яблоко. Подойдя ближе, Ясна разглядела две тонкие ручки. Огонёк изо всех сил тянул кверху головку клевера. Стебель застрял в развилине сухой ветки.

— Помочь? — спросила Ясна.

Огонёк от удивления выпустил цветок.

— Ты меня видишь?

— Вижу, — сказала Ясна.

— И я вижу, — отозвался Ярим. — Приподними цветок ещё разок.

Огонёк подхватил головку клевера. Ясна подсунула палку под сухую ветку и приподняла её. Ярим высвободил примятый стебель, и Ясна сбросила ветку в сторону. Когда Огонёк разжал ручки, цветок качнулся и остался стоять, чуть набок.

— Вот теперь пчёлы его найдут! — Он поднялся повыше. — Я Огонёк. А вас как звать?

Ясна назвала себя и Ярима. Когда дошла до Скрепа, тот помахал новому знакомому рукой.

Над плетнём загудела первая пчела. Огонёк метнулся ей навстречу. Скреп повернулся на жужжание и замер, прижав локоть к помятому боку. Пчела уже уселась на клевер, а Огонёк вернулся к Скрепу.

— Болит?

— Когда поворачиваюсь. Мы к домам идём. Там есть мастер?

— У Отрады в чайной спросим. Хочешь, провожу?

— Хочу, — сказал Скреп.

— А пчёлы? — спросила Ясна.

— Теперь они и без меня управятся. Погляди, уже вторая!
Он полетел было вперёд, оглянулся и сел к Скрепу на плечо.
— Вот так хорошо, — сказал Скреп. — Теперь уж я от тебя не отстану.

«А вдруг»

За садом потянулся луг. Впереди, над кустами, виднелась круглая труба. Дым из неё шёл низко, и пахло от него яблоневыми дровами, как бывало дома осенью.

— Чайная? — спросил Ярим.

Огонёк ещё не успел ответить, а у Ясны под ногами кто-то шепнул:

— А вдруг?

Она остановилась. У обочины зашелестели сухие стебли. Сперва один потянулся через дорогу, за ним другой, и вот перед нею уже ворочался целый серый клубок.

— А вдруг?

— Что вдруг? — спросила Ясна.

Клубок прыгнул ей на сапог. Ясна отмахнулась палкой. Стебли разлетелись по дороге. Один упал поперёк её следа и тотчас пополз обратно. Пока Ясна отступала, он успел дважды обвиться вокруг её сапога. Ясна рванулась, упустила палку и больно стукнулась коленом о землю.

— Погоди тянуть, — сказал Ярим.

Ярим просунул пальцы под виток, оттянул его от сапога и прижал подошвой к земле. Сухая плеть забилась. Скреп нагнулся над ними. Перед самым носом у Ясны качнулась бахрома Яримова платка.

— Навязень, — сказал Скреп. — Эту прядь держи, Ярим. Они все опять в клубок ползут!

Огонёк слетел со Скрепова плеча и коснулся Ясниной коленки. Сквозь штанину там, где саднило, пригрело, точно у печки. На ткани ещё светилась золотая искра. Ясна выпростала ногу из-под витка, который держал Ярим, и подобрала палку.

К Яримовой подошве ползли ещё две пряди. Одну Ясна прижала палкой. Вторая огибала кочку у него за спиной.

— Скреп, вон ещё одна! За Яримом!

Скреп подставил башмак и прижал прядь к земле. Теперь все три пряди лежали врозь. Из-под каблука Ярима донеслось, уже еле слышно: «А вдруг?..» Сухие стебли рассыпались в пыль. Ярим ещё помедлил, прежде чем поднять ногу.

Ясна всё прислушивалась, не зашепчут ли опять. Над лугом гудела пчела. Та села на цветок, и стало слышно, как колотится сердце.

— Ну как ты? — спросил Ярим.

Она взялась за протянутую руку и встала. Колено саднило, но наступать на ногу было можно.

— Огонёк, это от твоей искры мне полегчало?

— Ага. Ещё болит?

— Немножко. А меня так научишь? Я возле камня сидела со Скрепом — мне бы тогда такую искру.

— Я Радостью грею, — сказал Огонёк. — Хочешь попробовать?

Ясна зажала палку под мышкой. Огонёк сел к ней на раскрытую ладонь. Был он тёплый и на удивление лёгкий. Когда он взлетел, Ясна ещё немного подержала ладонь раскрытой.

— Твоё тепло я чувствую, — сказала она. — А сама так не умею.

— А о чём ты сейчас думала?

— Ждала, когда в пальцах защекочет. А ты о чём думал, когда меня грел?

— Я думал, как же ты до Отрады дойдёшь, если тебе на ногу больно ступить.

Он вернулся к Скрепу на плечо. За кустами задребезжала крышка, запахло заваренной травой.

— Это у Отрады чайник сердится, — сказал Огонёк. — Забудет его на огне, так он на всю улицу.

Ясне захотелось сесть на лавку, вытянуть ногу и обхватить обеими руками чашку. На дороге темнела выбоина. Скреп подождал Ясну у дальнего края и посторонился. Она обошла ямку по ровному и поравнялась с ним.

— Ты с этой стороны пойдёшь? — спросила теперь Ясна.

— С этой, — серьёзно ответил Скреп.

Впереди застучала о край чашки ложечка. Ясна невольно прибавила шагу. Скреп тоже.

Глава 2. Калитка Отрады

У дороги торчал старый пень. Огонёк слетел со Скрепова плеча и скрылся за корой. Он уже выглянул с другой стороны, а в выемке по-прежнему что-то светилось.

— А это кто? — Ясна нагнулась посмотреть.

На дне мерцала жёлтая искорка, такая маленькая, что, пока светил сам Огонёк, её и разглядеть было нельзя.

— Вдохновение, — сказал Скреп.

Ясна протянула ладонь, и искорка перекатилась на неё. В тепле у самых кончиков пальцев ей живо припомнилась надломленная ветка. Подпереть бы её рогатиной, а у надлома обвязать. Ясна даже видела, как потуже затянет верёвочку.

— Надо будет вернуться, — сказала Ясна.

— Куда? — спросил Ярим.

— К яблоне. Помнишь ветку, которую я держала? Я придумала, как её подвязать.

Ярим оглянулся. Дорога за ними сворачивала у луга, и яблоню отсюда было не разглядеть.

— Я её помню, — сказал Ярим. — Ты ещё держала, чтобы меня по лбу не хлестнуло. У Отрады спросим, чей сад.

За шиповником мерно постукивало. Подошли ближе и увидели у обочины кого-то в сером. Он прокладывал по земле черту. Стукнет ребром металлической линейки, переступит, опять стукнет. Там, где прошла линейка, на траве оставалась узкая примятая полоса.

Поперёк черты тянулся к солнцу синий цветок. Стебель уже перехватила серая лента. С каждым ударом головка цветка клонилась всё ниже.

— Отклонение зафиксировано, — произнесло существо и ударило линейкой рядом со стеблем. — Начинаю коррекцию.

— Подожди! — Ясна шагнула к нему. — Ты же его сломаешь.

Под козырьком у существа щёлкнуло. Оно повернулось к Ясне, но лица в тени она так и не разглядела.

— Положение исправляется. Не препятствуйте.

— Он растёт, — сказала Ясна. — Цветку положено расти.

— По установленной линии.

За спиной у Ясны остановился Скреп. Он нащупал на груди выбившийся краешек повязки и заправил под полосу. А рука так там и осталась.

— Это Инспектор Правил, — сказал он. — Ясна, отойди немного.

— А цветок?

— Я ещё смотрю, как его освободить.

Ярим заглянул за куст. Серая лента шла от цветка к колышку, огибала его и уходила под плоский камень. Ярим взялся за колышек и раскачал его. Лента натянулась, цветок ткнулся лепестками в землю.

— Не идёт, — сказал Ярим и сразу отпустил. — Прости.

Инспектор ударил по колышку, загоняя его глубже. Ярим едва успел убрать руку.

— Коррекции мешают, — объявил Инспектор.

— Да, — сказала Ясна. — Мешают.

Она перехватила палку обеими руками. Колено ещё ныло после падения. Инспектор занёс линейку, а Ярим всё ещё сидел на корточках возле колышка.

Ясна выставила палку поперёк. Линейка ударила по дереву так, что защипало ладони. Следующий удар Инспектор метил ниже. Ясна отступила. Он шагнул за ней, даже не заметив, что переступил через собственную черту.

— Ярим, полоска! — крикнула она.

Ярим потянул конец ленты из-под камня. Где там! Огонёк нырнул под шиповник и осветил узкую щель в земле. С этого боку камень можно было поддеть.

— Скреп! Сюда, под самый край!

Скреп просунул палец в щель и приподнял камень. Ярим высвободил конец ленты, пока Ясна отбивалась палкой от Инспектора. Лента всё ещё цеплялась за колышек. Ярим дёрнул, и она хрустнула на перегибе.

Инспектор налёг на линейку. Ясна отступила вбок. Он проскочил мимо, оступился и съехал в канаву. Когда выбрался на дальний берег, серый подол потемнел от воды. Он отряхнул линейку и двинулся прочь. Ясна глядела ему вслед. До первой кочки он шёл прямо. У кочки свернул под прямым углом. Обошёл её с трёх сторон и опять зашагал прямо.

Они дождались, пока он скроется за поворотом. Лишь тогда Ясна разжала пальцы. На ладонях отпечаталась шершавая кора.

Ясна присела у синего цветка и хотела приподнять его. Из-под лепестков всё ещё торчал серый хвостик. Ярим подцепил его ногтем.

— Погоди, я сниму. А то снова зацепится.

Он придержал стебель, размотал остаток ленты и высвободил последний лепесток. Цветок приподнялся и замер на полпути.

— Выпрямится? — спросила Ясна.

— Посмотрим, — сказал Ярим. Он собрал оба обрывка, скрутил и сунул в карман.

Огонёк присел на лист шиповника. Над канавой прошёл ветерок. Синий цветок качнулся наравне с травой. Огонёк вернулся на плечо Скрепа.

На дальнем берегу канавы торчала кочка. До неё Инспектор не дотронулся. Обошёл кругом, а цветок едва не погубил.

— Скреп, почему он прицепился к цветку?

Скреп тоже смотрел на поворот.

— Он назвал это коррекцией.

— Я слышала. Но зачем?

— Пока не знаю.

Он узнал Инспектора с первого взгляда. Ясне хотелось выспросить у него всё, что он знает, но тут Скреп снова прижал локоть к помятому боку. Ясна раздвинула шиповник. За ним уже виднелась калитка.

Сперва чай

Ясна ухватилась за верхнюю планку калитки и потянула на себя. В ту же минуту Ярим толкнул калитку от себя. Створка дёрнулась между ними и осталась на месте.

— Возможно, калитка предпочитает, чтобы к ней обращались по одному, — сказал Скреп.

Оба отступили. Калитка отворилась во двор. За нею стояла женщина с чайником. Придержав створку коленом, она поманила их свободной рукой.

— Заходите, пока он опять не закипел, — сказала она. — Я Отрада. Огонёк, ты сегодня с гостями?

— Они помогли клеверу. И цветку у дороги.

— Вот как. Тогда проходите все. Только обувь об коврик вытрите. Я в сенях мяту сушу, а она в пыли и пахнет пылью.

Коврик лежал у самой двери. В сенях на скамье сохла мята, а из комнаты доносились голоса и позвякиванье ложек. Пока Ясна вытирала ноги, она успела разглядеть целую полку чашек. Другие висели за ручки над столом. Ещё три теснились на подоконнике. Герань просунула между ними красное соцветие.

Отрада поставила чайник и заглянула в большую комнату.

— Крышку на горшке сдвиньте, пожалуйста, если вода пойдёт через край. Я сейчас вернусь.

Из комнаты отозвались. Что именно пообещали, Ясна не разобрала. У того, кто отвечал, рот был набит.

— А вы садитесь здесь. Девонька, ты чего прихрамываешь?

— Я упала, — сказала Ясна. — Огонёк помог, уже лучше.

— Хорошо, что помог. Можно посмотреть?

Ясна закатала штанину. На колене наливался синяк, а в царапину набилась пыль. Отрада смочила тряпицу водой, промыла ссадину и положила на неё чистую повязку. Ясна хотела сказать, что всё это пустяки, да на мокрой тряпице осталась такая грязь, что она попридержала язык.

— Теперь твоя очередь, — сказала Отрада Скрепу.

Скреп сел на край стола. Когда Отрада потянулась к узлу, он прикрыл треснувшую крышечку ладонью и подставил здоровый бок. Отрада развязала полосу. Под крышечкой слабо, ровно светилось.

— Я могу шнурком прихватить, чтобы в дороге не задевало, — сказала она. — А уж починит Гром. Его горн по ту сторону моста. Застанете, если по делам не ушёл.

— Этого достаточно, — ответил Скреп. — Благодарю.

Отрада нашла в ящике тонкий мягкий шнурок и укрепила им крышечку. Прежнюю полоску ткани она сложила и вернула Ясне.

— Пригодится ещё, когда выстираете.

Отрада ещё задвигала ящик, когда на плите забренчала крышка большого чайника. Ярим вскочил, чуть не схватился за горячую дужку. Отрада набросила на неё полотенце. Взялись вдвоём, подняли, поставили на стол.

— Зачем два? — спросил Ярим.

— В большом кипяток, а в малом заварка. Ворчун как-то себе из малого полную чашку налил, так потом полдня втолковывал мне, что мята у меня чересчур мятная.

Огонёк засветился ярче.

— А ты что сказала?

— Я ему водички подлила. Он ещё глотнул и говорит: «Вот! Ведь умеешь, когда хочешь».

Ясна села у окна. Отрада поставила перед ней чашку с красной ягодкой на боку. У бабушки была почти такая же, только на ней ягодку отмывали столько лет, что остался один черенок.

— Я с утра бабушку вспоминаю, — вдруг сказала Ясна. — Даже чашку её помню. Вот сейчас бы по ней затосковать. Я ведь потерялась, а мне словно и тосковать нечем. Ты знаешь, отчего так?

Отрада отставила чайник. Сквозь приоткрытое окно доносилось ровное стрекотание кузнечика.

— А ты, Ярим?

— Мне бы кто сказал, как я сюда попал. Лежу под деревом, рядом девчонка спит. Спросить у неё? Так она сама у меня спросила.

Отрада села напротив и стала расспрашивать, где они проснулись да кого встретили по дороге. Ясна рассказала про Навязня, Ярим выложил на стол серую ленту. Скреп провёл по ней пальцем и сказал вполголоса, что след знакомый. Похож на след Печати.

— Печать? — переспросила Ясна.

— Следы, — уточнил Скреп. — Саму её я пока не показал бы тебе пальцем.

Отрада подвинула Скрепу маленькую чашечку на щербатом блюдце.

— Здесь Радушье, — сказала она. — А про тишину вашу я не возьмусь судить по одному рассказу. Попейте сперва. Потом дойдёте до деда Тишая, Смотрителя Родника. Он умеет слушать и знает о таких бедах больше меня. Дорога к нему неблизкая, зато по пути есть люди, у которых можно спросить.

— Ты не знаешь, как это исправить? — спросила Ясна.

— Будь у меня такая заварка, я бы тебе уже налила. А Тишая спроси. Он подолгу сидит у дороги в Плёсы. Ты его окликни, он сам к тебе голову повернёт.

Ярим первым попробовал чай. Тот обжёг ему язык, и он поставил чашку обратно с таким видом, будто именно так и собирался поступить.

— Горячий? — спросила Ясна.

— Очень наблюдательно.

Ярим осторожно пошевелил обожжённым языком и с достоинством взялся за чашку. Тут их взгляды встретились, и он передумал пить.

Ясна подула на свой чай, пряча улыбку. За стеной попросили хлеба, Отрада крикнула в ответ, что хлеб уж и так испёкся сам, пусть за ним хоть кто-нибудь сходит. Ярим поперхнулся чаем. Тут Ясна прыснула в чашку, пришлось вытирать с подбородка сладкие капли.

Допив чай, Ясна спросила, чей сад у дороги и кто здесь умеет греть больное место, как Огонёк. Отрада провела пальцем по столу, точно тут у неё были и дорога, и сад.

— За старым деревом держитесь лугов. Оттуда выйдете к Антоновне. Она каждую яблоню в округе знает. А про то, как боль унять, у Ворчуна спроси. Барсук, живёт под орешником. Только уж весь ответ дослушай, половинки он давать не умеет.

Огонёк вызвался показать старое дерево. А сколько от него отходит тропинок, сказать не мог: он ведь обычно летал поверху.

— Тогда посчитаем вместе, — сказал Скреп.

— Можно и не считать, — заметил Ярим. — Сначала посмотрим, куда они ведут.

Отрада проводила их до калитки и открыла её прежде, чем Ясна с Яримом успели договориться, кому толкать. Ясна поблагодарила за чай и повязку. Скреп осторожно поклонился, придерживая крышечку. Огонёк обещал заглянуть к ужину, если доведётся лететь мимо.

— Заходите и вы, — сказала Отрада. — Здесь найдётся место передохнуть.

За калиткой Ярим помедлил.

— Она ведь даже не спросила, чем мы заплатим.

Отрада перегнулась через калитку. В руке у неё была краюха, завёрнутая в чистую бумагу.

— Ярим, а хлеб на дорожку кто возьмёт? Дальше я уж не дотянусь!

Глава 3. Тропа для всех

У старого дерева дорога раздвоилась. Ярим поправил хлеб за пазухой. Огонёк тем временем успел нырнуть в дупло. Из тёмного отверстия торчал пёстрый кончик пера.

При свете Огонька Ясна заметила у самого пера медную монетку. Переложила её поглубже, чтобы не смахнуть в траву, и осторожно вытянула перо. По тёмному опахалу с двух сторон шли белые крапинки.

— Чуткое, — сказал Скреп. — Пеструшкино.

— Ты её знаешь?

— Знаю перо. Видишь, как оно поворачивается?

Ясна повернула ладонь вправо. Пёстрый кончик дрогнул и опять потянулся к пню, что стоял слева от дороги. Она повернула руку ещё раз. Огонёк рассмеялся:

— Не переупрямить!

Ясна закрепила перо у воротника. Оно щекотало шею всё с той же стороны. Она приглядела. Там, где прежде видела одну путаницу стеблей, к пню вилась узкая тропка.

— Вот куда оно глядело.

— Может, сначала проверим ту дорогу, что показала Отрада? — предложил Ярим.

— Давай вон до того пня, — попросила Ясна. — С него развилку ещё видно. Поглядим, куда перо зовёт.

За пнём открылась поляна. Между корнями висел ещё один узелок для путников. В нём лежали гладкие камни, а в каждом поблёскивала искра. Скреп считал Камни вслух, Ярим складывал их в мешочек. Двадцать штук! Ярим закинул мешочек за плечо.

На краю поляны что-то вздохнуло.

В листьях у корня сворачивался в клубок кто-то маленький и серый. Он ещё поглядывал на Ясну одним глазком, а едва она села рядом, спрятал мордочку.

— Я лучше свернусь, — донеслось изнутри. — Так безопаснее для всех.

— Мы тебя не тронем, — сказал Ярим.

Путники отошли к пню. У серого клубочка перестали дрожать бока. А чуть подальше из-под лопуха высунулась белая пушистая мордочка. То нырнёт обратно, то опять покажется, и всякий раз поближе.

Ясна села на траву. Ярим достал хлеб. Пока он делил горбушку, белая мордочка успела придвинуться так близко, что на чёрном носу стали видны две жёлтые пылинки. Ясна положила кусочек с румяной корочкой на край пня.

— Мы идём к лугам, — сказала Ясна. — А ты?

— Пока сюда, — ответило существо и ткнуло лапкой в землю перед собой.

Огонёк потеснился. Она вспрыгнула к нему, взяла хлеб обеими лапками и откусила с хрустом. Звали её Пушинкой. Когда путники поднялись, Пушинка спрыгнула с пня следом за ними.

— Я могу немного с вами пройти. Если не будете шуметь.

Возвращаясь к развилке, Ясна обошла серого стороной. Он тихонько посапывал. Из-под бока торчала крохотная пятка.

Кому страшно в кустах

У развилки Ясна хотела повести всех дальше, но перо задело её за подбородок. Из кустов донеслось:

— Не подходите… мне страшно.

Скреп занёс башмак над травой да так и поставил его обратно на тропу.

— Не подходим, — сказал он остальным.

Между ветвями мелькнул рыжий хвост. Ярим наклонился, чтобы лучше разглядеть. Над самым хвостом кружили чёрные точки. Куда они налетали, там куст и вздрагивал.

— Перо, — тихо сказала Ясна. — Скреп, через него можно лучше увидеть?

— Погляди, куда загнулся кончик.

Кончик пера клонился книзу. Ясна присела и заглянула под ветку. У самого корня лис прикрывал морду лапой. Стоило ему поднять голову, чёрные точки бросались ему в нос.

— Рой Сомневаков, — сказал Скреп.

— Слева можно выйти к Рою, — сказал Ярим. — От лиса подальше.

Он обошёл куст. Огонёк и Пушинка потянулись следом. Ясна с места видела и лиса, и чёрный вихрь над ним. Скреп поднял с земли длинную ветку. Ею до Роя можно было достать прямо с дороги.

Едва Ярим показался из-за куста, Сомневаки облепили его рукав. Он отмахнулся, и весь вихрь вылетел за ним на тропу. Пушинка юркнула в траву. Огонёк бросился к Яриму. Ясна ударила поперёк вихря своей палкой. Несколько точек рассыпались, остальные кинулись ей в лицо.

— Ниже! — крикнул Скреп.

Ясна пригнулась. Ветка Скрепа просвистела у неё над головой и рассекла Рой. Ярим взмахнул рукавом и побежал вдоль канавы. Последние Сомневаки увязались за ним, поблекнели один за другим и пропали.

Ясна обернулась к лису. Он по-прежнему сидел под кустом, прижав уши, и всё шептал своё «не подходите».

— Хорошо, — сказала Ясна, хотя ей очень хотелось проверить, целы ли его лапы.

Ясна перешла на тропу. Теперь от корня до самого луга лис мог бежать куда вздумается. У канавы Ярим нашёл ещё четыре камешка для общего мешочка и попросил у Скрепа длинную ветку. Обломил сухие сучки, примерился. Славная вышла палка! На листе лопуха у самой тропы теплилось Вдохновение. Ясна подставила ладонь и понесла искорку с собой.

Пушинка догнала их за поворотом. Чуть позади вился меж стеблей рыжий хвост. Ярим, глядя перед собой, тихонько спросил, идёт ли лис.

— Идёт. Не оглядывайся пока.

В траве опять зашуршало, совсем близко.

Колокольчик Звенько

Пастушок сидел на ограде и звонил в маленький колокольчик. Он делал это так тихо, что звон был слышен лишь в промежутках между порывами ветра.

— Ласточка! — позвал он, выждал и снова звякнул.

Ясна посмотрела вверх.

— Она не там, — сказал пастушок. — Тёлочка моя. В клеверный лог ушла, а там колышки. Я Звенько.

Пастушок соскользнул с жерди, коснулся земли одной ногой и поморщился. Подтянувшись на руках, сел обратно. Щиколотка у него была перевязана.

— Эх, слышит ведь. Должно, запуталась. Сходите гляньте, а? — Он дал Яриму колокольчик. — Только тихонько. Она у меня пуганая.

В логу верёвка провисла между колышками почти до земли. В петлю попала задняя нога Ласточки. При виде путников тёлочка попятилась, и верёвка натянулась.

Ярим присел поодаль и позвонил. От первого звона Ласточка вскинулась. Огонёк нырнул за плечо Скрепа. Ясна протянула руку за колокольчиком.

— Слышал, как он её звал?

Ярим подал ей колокольчик ручкой вперёд. Ясна придержала язычок и легонько стукнула им о стенку. Ещё раз. Ласточка повела ухом на звон. Ясна отпустила язычок и протянула тёлочке свободную ладонь. Тёплые ноздри защекотали пальцы. Скреп наклонил колышек, Ярим подхватил сбоку провисшую петлю. Ласточка переступила. Верёвка скользнула у Ярима по руке и соскочила с копыта.

Ласточка шумно выдохнула Ясне в лицо. Дыхание у неё было влажное, пахло жёваным клевером. Ясна зажмурилась и засмеялась. Тёлочка ещё пошарила носом по её ладони. Вдруг там что-нибудь вкусное?

Из лога Ласточка шла за Яримом и тыкалась ему в спину. У ограды она его обогнала и потёрлась мордой о плечо Звенько. Он так и обнял её с жерди, обеими руками за шею.

Звенько заметил красный след от верёвки на Яримовой руке и достал из пастушьей сумки рукавицы. В одну сунул несколько монет на дорогу. Ясна покачала колокольчик в последний раз и вернула хозяину.

— Ты приходи, — сказал Звенько. — Позвенишь ещё. Только не тогда, когда она спит: прибежит, обидится, что зря разбудили.

Общая тропа

Дорогу к садам перегораживала планка. За один конец держался тот самый серый Инспектор. Рядом орудовал Межевой Счётчик. Он вынул из земли крайний колышек и переставил на шаг ближе к середине тропы. Протиснуться ещё было можно. Счётчик уже взялся за следующий колышек.

— Отметка о принадлежности, — потребовал он.

— А у Ласточки вы тоже отметку спрашивали? — Ярим показал на следы раздвоенных копытец.

Счётчик переставил колышек прямо в след.

Ясна показала на траву, примятую между колышками.

— Тут же все ходят. Мы только что Ласточку проводили — теперь как обратно?

Инспектор опустил планку перед самым её носом. Скреп дёрнул Ясну за рукав. Ярим перехватил планку снизу. Инспектор налёг, у Ярима согнулись локти.

— Подержи!

Ясна подставила плечо под свободный конец. Они с Яримом разогнулись разом. Планка приподнялась, и Скреп успел выдернуть из земли один колышек, за ним другой.

Первый колышек покатился прямо на Пушинку. Она шарахнулась от стука, потом догнала его и уволокла с тропы. Скреп бросил второй. На этот раз Пушинка уже ждала в траве.

Межевой замахнулся мерным шестом. Огонёк крикнул Яриму в самое ухо, и тот успел отшатнуться. Шест зарылся в дёрн. Скреп выдернул последний колышек. Ясна и Ярим спихнули планку вбок, к Инспектору. Идти к садам теперь можно было и по двое в ряд.

За лугом Ярим сунул руку в пастушью рукавицу. Внутри звякнуло. Он вытряхнул монетки Скрепу для общего кошелька и надел рукавицу как следует.

У садового камня сидел Сомневак-одиночка. За ним краснела искра величиной с уголёк. Скреп показал на неё Ясне. Такие Искры, сказал он, бывают у Пламенника.

— Точно нужно? — спросил Сомневак. — А если ошибётесь?

Ясна перевела дух. Ей хотелось ответить, что точно, но она ещё не знала, для чего нужна Искра.

— Посмотрим, — сказал Ярим.

Ясна присела, не протягивая руки к Искре. Трава вокруг неё была сухая, хотя под самим камнем ещё блестела роса.

— Греет, — сказала она. — Как взять, я пока не знаю.

Скреп потянул за кончик платка у себя на запястье. Узел затянулся. Ярим свободной рукой подцепил короткий конец, и Скреп высвободил платок. Тут из-под Яснины палки вывернулся Сомневак и ткнул Скрепа в помятый бок. Ярим загородил его. Серая тень уже обегала камень.

— Справа! — крикнул Скреп.

Ясна выставила палку. Сомневак шарахнулся вбок, Ярим отмахнулся рукавицей. Толчок вышел едва сильней, чем когда его боднула носом Ласточка. Серая фигурка рассыпалась у камня.

Скреп расстелил платок. Ясна закатила на середину Искру концом палки. Ткань сразу нагрелась. Ясна собрала четыре уголка в горсть, приподняла. За сухую бахрому можно было держаться.

— Вот теперь можно нести. А во что положить, у мастера спросим.

На камне осталось несколько монет. Скреп убрал их в общий кошелёк, а Огонёк подобрал у ствола ещё одну тёплую искорку Вдохновения. Впереди скрипнула садовая калитка.

— Если к Антоновне, заходите! — позвали из-за неё. — Только калитку придержите: яблоки раскатаются.

Глава 4. Яблоко для бабушки

Ярим приотворил калитку и придержал её, чтобы Ясна прошла со свёртком. К её сапогу подкатилось яблоко. Второе поймала Пушинка. А из-под скамьи, на которой сидела старая садовница, третье уже нацелилось туда же.

— За это я люблю картошку, — сказала садовница и остановила беглеца крюком на конце палки. — Где положишь, там и лежит. Я Антоновна. Пироги ребятне обещала, а наклонюсь — разогнуться не могу. Поможете мне три корзинки набрать? Сперва здесь, потом у ручья, а уж оттуда под дальние яблони.

У скамьи стоял пустой глиняный горшок. Ясна опустила в него свёрток с Искрой, Антоновна накрыла горшок черепком. Теперь сюда никто по ошибке руку не сунет.

Ясна подняла яблоко, застрявшее в изгибе крюка. Антоновна велела его повернуть. И верно, со стороны травы на кожице уже темнело мягкое пятно.

— Это отдельно. Вон туда, к ограде. Хорошее в корзину, сомнительное покажете мне.

Ярим сунул руку в дужку корзины, наклонился за яблоком и стукнул себя корзиной по колену. Поставил её в траву. Так дело пошло. Ясна приносила яблоки, Ярим поворачивал каждое к свету, а Пушинка выкатывала из-под корней те, до которых никто не мог дотянуться.

— А если всё равно сгниёт? — пискнуло с ветки.

Там сидел Сомневак. Рядом дрожала Тревожка и всякий раз, когда поднимали яблоко, спрашивала, не червивое ли оно.

— Ну вот, погляди, — сказал Ярим и повернул яблоко кругом. — Целое.

Сомневак спрыгнул на корзину. Ясна прикрыла яблоки рукавом, и тут Тревожка вцепилась ей в запястье. Скреп подхватил Яснину палку, прислонённую к корзине, и стряхнул Тревожку в траву. Огонёк припал к свежей царапине. А Ярим уже пятился к ограде. От его рукавицы, которой он прикрывал лицо, отскакивал и опять наскакивал Сомневак.

За Яримовой спиной затрещали прутья. Ясна откинула крышку пустой кадушки у ограды. Сомневак прыгнул, Ярим пригнулся, и маленький задира кубарем влетел в кадушку. «А вдруг ушибся?» — пискнула Тревожка и сиганула за ним. Ясна подошла, когда за клёпками уже стихал шелест. Скреп заглянул через край. На дне кружилась бурая труха.

Антоновна упёрлась в палку и собралась вставать. Ясна подхватила корзину за дужку. Уж с этим они и сами управятся.

— Эту донесёте, — согласилась садовница. — Только берите под донышко, ручка старая. А потом ещё две.

До ручья сбегала узкая тропка. В узелке у воды нашлись монетки и камешки. Пока Ярим со Скрепом разбирали находки, Огонёк собирал в траве искорки Вдохновения. Пушинка сидела у второй корзины и караулила яблоко, которое всё норовило скатиться в ручей.

Полную корзину Ясна подняла под донышко, как велела Антоновна. Сделала шаг и остановилась. Из-за яблок не видно, куда ставить ноги. Ярим взялся за другой край. Так и пошли вдвоём, боком, а Скреп шагал впереди и объявлял каждый корень.

Антоновна приняла вторую корзину и попросила оставить её в тени.

— Остались дальние яблони. Возьмите для них корзину с крыльца. А встретите Ворчуна — передайте, что его пирог с кисленьким я помню.

Ворчун выбирает место

Барсук сидел под орешником на широком корне и чинил ремень. Ясна присела перед ним на корточки. Он повернул пряжку, чтобы не царапнуть её острым язычком.

Ясна показала запястье. Царапина была свежая, а краснота вокруг уже спала.

— Меня Отрада к тебе послала. Видишь, тут Огонёк мне погрел. А я ещё на лугу пробовала, — сказала Ясна.

— Ну и как?

— Хочу, как он, Радостью. А всё гляжу себе на ладонь, будто там сейчас что-нибудь загорится.

— Ремень подержи-ка за этот конец. Больно мне.

Ясна ухватилась за свободный конец. Ворчун держал пряжку на широкой лапе. Под самым её краем виднелась трещина в подушечке. Сейчас бы хоть капельку тепла, как тогда на лугу! Ясна ждала и всё крепче тянула ремень к себе. Наконец Ворчун дёрнул лапой. Пряжка впилась в больное место.

— Ох, я тебе хуже сделала!

— Зато крепко держишь. Положи его. Дай лапе хоть минутку от ремня отдохнуть.

Ясна отложила ремень. Поодаль Ярим возился с корзиной, у которой разлохматилась ручка. Ворчун расправил лапу. Ясна наклонилась поближе. Вот где натёрло краем пряжки, у самой трещины.

— Вот здесь? — спросила Ясна.

Ворчун подвинул лапу, и ладонь Ясны легла рядом с трещиной. Сначала она различала только жёсткую шерсть у него между пальцами. Потом под ладонью слабо потеплело. Ворчун пошевелил пальцами.

— Полегче. Пока хватит.

Она отняла руку. В трещине по-прежнему темнела земля.

— Она не прошла.

— Старая. Её ещё мыть надо. Зато ремень закончу.

Ярим затягивал рукавицу зубами. Ворчун поманил его к себе, пощупал шов и посоветовал распустить завязку на запястье, а то пальцы быстро устанут. Ярим ослабил узел. На прощание Ясна передала, что Антоновна помнит про пирог с кисленьким. Тут Ворчун вовсе подобрел. Устроил лапу на тёплом корне и даже за ремнём не потянулся.

Ива

За орешником стояла Ива. Вокруг неё было прохладно, хотя солнце ещё не ушло. Ветки почти касались земли, но ни один лист не шевелился.

Скреп обошёл ствол и остановился.

— Если отвести ветви от воды, они…

— Подожди, — сказал Ярим. — Она что-то говорит.

Скреп умолк. Сквозь журчание ручья Ясна различила тихий скрип, а в нём слова. Ива так долго подбирала следующее слово, что Ясне самой хотелось его подсказать.

Ива рассказывала о тех, кто раньше сидел под её ветвями. Об одном человеке с мокрыми сапогами, который развешивал на сучках носки. О двух маленьких соседях, споривших из-за места на корне. Больше всего Иву занимало, достал ли человек в мокрых сапогах свои носки до дождя. Она уже дважды начинала об этом и оба раза сбивалась на тех двоих, которым никак не хватало корня.

— Теперь никто не садится, — сказала она наконец. — Проходят. Я слышу шаги и держу ветви ещё ниже, чтобы остановились. А они обходят.

Ясна огляделась. Под низкими ветками действительно было трудно пройти. Она едва не предложила поднять их, но Ива снова заскрипела, и Ясна осталась на месте.

— Я помню, как тут было. Всё помню. А сделать…

Ярим снял пустую корзину со спины, поставил её наземь и устроился на сухом корне. Ясна села рядом. Скреп выбрал у воды камень. Огонёк грел ему бок, Пушинка у его ног успела задремать.

Прошло немало времени, прежде чем Ясна узнала, чем кончилось дело с носками. Человек успел их снять, только толку-то! Под дождём натягивал, вот и промокли опять. Ясна засмеялась. Над ручьём дрогнул один лист, за ним другой. Ива тихо шелестела.

Из-за корня показалась хозяйка тоненьких зелёных листьев. Она подобрала их вокруг себя, только один никак не поддавался. Краешек попал под Яримову корзину. Ясна приподняла донышко. Листок выскользнул, и хозяйка расправила ему загнувшийся кончик.

— Ветка, — сказала Ива. — Ты проснулась.

— Давно. Мне тоже хотелось про носки дослушать.

Ветка посмотрела на пустую корзину.

— А вы куда?

— За яблоками, — ответил Ярим. — Потом к мосту.

— Я пойду с вами. Хочу узнать, кто теперь сидит дальше по дороге.

Ива приподняла ветви. Там, где прежде приходилось протискиваться боком, теперь виднелся сухой корень, ещё тёплый после Ярима. На тропе зажуршали по гравию чужие шаги. Путники уже отходили, когда Ива окликнула прохожего и предложила ему присесть.

То, что греется под корнями

За орешником Ярим подобрал четыре камня для общего мешочка. Ясна нашла искру Вдохновения в пустой скорлупке, а Ветка вывела всех на тропку, свернула с неё и вскорости привела их обратно к той самой скорлупке.

— Мы здесь уже были, — сказал Скреп.

— Теперь и я знаю, — сказала Ветка. — А ты думал, мне с Ивиного корня весь свет видно?

В кустах вспыхнуло. Ветка едва успела отскочить. На тропу вылетел рыжий зверёк с занесённой лапой.

— Ты куда! — Ярим вскинул руку. Зверёк осел на задние лапы. Россыпь искр с шипением погасла в траве.

— Пламенник! — окликнул его Огонёк. — Ты её задел?

— Прости. Я увидел, что тут кто-то… — Пламенник оглянулся на куст, из которого выскочил. — А уже замахнулся.

— На нас? — спросил Ярим.

— Да я вас ещё не разглядел! — Пламенник вскинул лапу и тут же опустил. — Вот. Опять.

— Пламенник? Так это твою Искру мы у дороги нашли? — спросила Ясна. — В платке к Антоновне принесли, а что с ней теперь делать?

— Да хотя бы из платка вынуть! Покажете?

— Покажем. Мы всё равно к ней с яблоками вернёмся.

— Можно с вами? — спросил Пламенник.

— Чтобы опять бросаться? — Ветка не подходила ближе.

— Я могу впереди ходить, если боишься.

— А я хочу и впереди иногда ходить, — сказала Ветка. — Ты меня окликни, когда огонь пускать будешь. Я листья подберу.

Пламенник посторонился, и первой между кустами прошла Ветка.

Дальше дорогу перетянула Петля Тоски. Она держалась за два ствола, и каждый раз, когда путники пытались пройти, опускалась ниже и затягивалась.

— Всё равно не заметят, — шептала она. — Можно остаться.

Пламенник сунулся под Петлю, и нить захлестнула ему заднюю лапу. Он рванулся, брызнул искрами. Огонёк едва успел отлететь. Ясна оттянула тугой виток палкой, Ярим выпростал лапу. Остатки нити всё ещё цеплялись за сапоги. Заденешь — шепчут опять. Путники выбрались по одному. За ними нити ослабли и растаяли между стволами.

Пламенник долго стоял неподвижно.

— Разозлился я на неё, — сказал он наконец. — Только она меня хвать, а я уж полыхнул.

Ветка высвободила из-под корня уголок дорожной обёртки. В ней оказался пряник, целый, только с одного бока глазурь облетела. Пламенник нагнулся посмотреть. На этот раз она осталась рядом. Пряник положили в корзинку на всех.

Последняя корзина

Под дальними яблонями белел иней. Ясна сперва приняла его за паутинку, но Ветка коснулась листа и отдёрнула пальцы.

Ясна переложила пряник из корзины в свободный карман. Иней на первом же яблоке растаял под пальцами, и проступила красная кожица. Пламенник подошёл понюхать. По коре побежала капля. Он отступил, чтобы не опалить яблоню. Под дальними ветками ещё белели холодные звёздочки. Ярим подобрал камешки у корня и помог Ясне донести корзину до дороги.

Антоновна велела поставить третью корзину в тени, рядом с первыми. Потом подозвала Ярима перебирать яблоки с пятнами. Какие в пирог сгодятся, а какие уже пора в компост.

— Теперь можно печь, — сказала она.

— А у дальних яблонь иней, — сказала Ветка. Антоновна так и замерла с яблоком в руке.

— До дальних добралось. Я утром там ещё босиком ходила.

Она достала со скамьи плотную скатерть и дала Ясне.

— Самобранка. В дорогу берите. Только яблоки всё равно собирать приходится: пироги сама за меня не печёт.

Они поели хлеба с нарезанными яблоками. Пряник поделили, Пушинке достался край с особенно толстой глазурью. Антоновна обещала разнести пироги ребятне вечером. Ясна вызвалась помочь с печью, но та уже повязала другой передник и выгнала всех отдыхать от её яблок.

У самого крыльца Ясна нащупала в кармане утреннее яблоко. За день румяный бок намялся. Бабушке уже не сберечь. Ясна вернулась к столу.

— Это тоже в пироги. Моя бабушка с таких яблок кожуру одной лентой срезает. Дашь подержать кончик?

Антоновна взяла ножик. Ясна поймала конец кожуры, чтобы тот не задел землю. Так, пока яблоко поворачивалось в старой руке, и рассказала про яблоню у плетня, про тяжёлую ветку, которую пришлось держать для Ярима.

— Знаю, где это, — сказала Антоновна. — Сосед с телегой мимо ходит. Попрошу, свезёт подпорку.

На стол легла длинная красная лента. У кожуры на кончике осталось яблочной мякоти ровно на один укус. Ясна откусила.

— Ну вот, нечаянно позавтракала.

И засмеялась. Антоновна отрезала ей яблочную дольку.

У скамьи Пламенник приподнял черепок. Один край платка над Искрой побурел. Пламенник ухватил свёрток за углы, вынул из горшка и понёс к калитке.

У калитки Ярим сдёрнул рукавицу, чтобы просунуть палец в кольцо засова, и охнул. Пальцы побелели от холода. Сквозь щель проглянуло ледяное плечо Садового Заморозня. По железным петлям уже ползли тугие нити Смущения. Пламенник передал свёрток Ясне.

Пламенник погнал Заморозня вдоль ограды. Скреп поддел нить Смущения палкой, Ветка распутала петлю на засове. Ясна опустила свёрток на камень. Огонёк уже отогрел Яриму указательный палец, а мизинец оставался белый. Она накрыла его ладонью, как давеча Ворчунову лапу. Чуть погодя Ярим согнул мизинец и коснулся её пальцев.

— Колет. А то я его совсем не чувствовал.

На этот раз кольцо он поддел палкой. Ясна подобрала свёрток и прошла следом.

Последние бледные завитки осыпались с петель. В просвете между садами Ясна различила мост, а за оградой всё ещё похрустывали удалявшиеся шаги Заморозня.

Глава 5. Сейчас мы остаёмся

— Стой! Кто идёт?!

Крик раздался от перил. Огонёк юркнул за шею Яриму. Человек с жердью всматривался между деревьями, откуда донеслись их шаги. Когда путники вышли на открытое место, он смутился.

— Простите. Это я опять. Гуня меня зовут.

Гуня был здешним смотрителем. Он стоял у перил с длинной жердью в руках. Внизу бежал неглубокий поток. На настиле белела новая доска, и у самых перил пахло смолой.

— Мост держит? — спросила Ясна.

— Держит. Проверял. Вон доску заменил. Ещё раз проверял. — Гуня погладил жердь. — А тревога приходит.

Ярим поднял с земли обрезок. Сосна была ещё смолистая. На большом пальце его рукавицы остался янтарный след.

— Один менял? А как доску снизу прихватить, тут ведь берег крутой?

Гуня отвёл его к перилам, показал, где подлезть к креплениям. Про свой мост он мог рассказывать хоть до вечера. Жердь свободно лежала у него на сгибе локтя. Едва Ясна занесла ногу над первой доской, Гуня снова стиснул жердь обеими руками.

— А как ты пропускаешь людей, когда так? — спросила она.

— Прошу по одному. Сам встаю тут. Если мост проверил и знаю, что держит, говорю: идите. Иногда голос не очень слушается.

Гуня упёр конец жерди в щель настила. Постоял так, глянул на Ясну и сказал: «Иди». Она прошла. За ней двинулся Скреп. Когда пришёл черёд Ярима, у него на полпути с мешка свесился ремень. Ярим нагнулся завязать, но Гуня окликнул его с берега. Ярим подобрал конец и дошёл так, с ремнём в кулаке.

Пушинка спрыгнула с последней доски. Только теперь Гуня прислонил жердь к перилам. По тому, как долго он выдыхал, можно было подумать, что через мост прошёл целый обоз.

— Спасибо, — сказала Ясна.

— За что? Вы же сами шли.

— За мост! — крикнул с другого берега Ярим.

Это Гуня понял сразу. Он даже осмотрел перила с некоторым удовольствием.

Горн и птичьи новости

За мостом под навесом звенел молоток. Гром доковал маленькую скобу и опустил её в ведро. Вода зашипела. Пушинка юркнула вбок, по привычке ища корзину, за которой пряталась в саду. Где там корзина! Ветка распустила перед ней листья.

— Ну, с чем пришли? — Гром отложил клещи.

Ясна положила на верстак скатерть и свёрток с Искрой. А Скреп уже поднял локоть. Из-под шнурка Отрады выглядывал край треснувшей крышечки. Гром попросил Скрепа показать, где трёт на ходу, и нашёл лоскут мягкой кожи.

— Это не подкова. Пока держит, не будем лезть туда, в чём не разобрались.

Скреп прижал крышечку ладонью, пока Гром подкладывал кожу под шнурок и перевязывал узел. Под трещиной тихонько грело. Скреп отошёл к краю навеса, подальше от горна, и снова приложил пальцы к крышечке.

— Что? — спросила Ясна.

— От горна отошёл, а под крышечкой всё равно тепло.

Он показал на свет под трещиной, но открывать крышечку не стал.

— А это вы зря в платке носите, — сказал Гром, потрогав свёрток на верстаке. — Вон уголок какой бурый.

Гром подставил глиняную чашечку. Пламенник приподнял платок за углы, наклонил, и Искра скатилась на дно. Пока Гром подбирал крышку, Скреп потёр пальцем тёмное пятнышко на ткани. Оно не сходило. Он сложил платок и убрал в дорожную суму рядом с закрытой чашечкой. Ярим потрогал завязки своих рукавиц.

— А с этими что можно сделать?

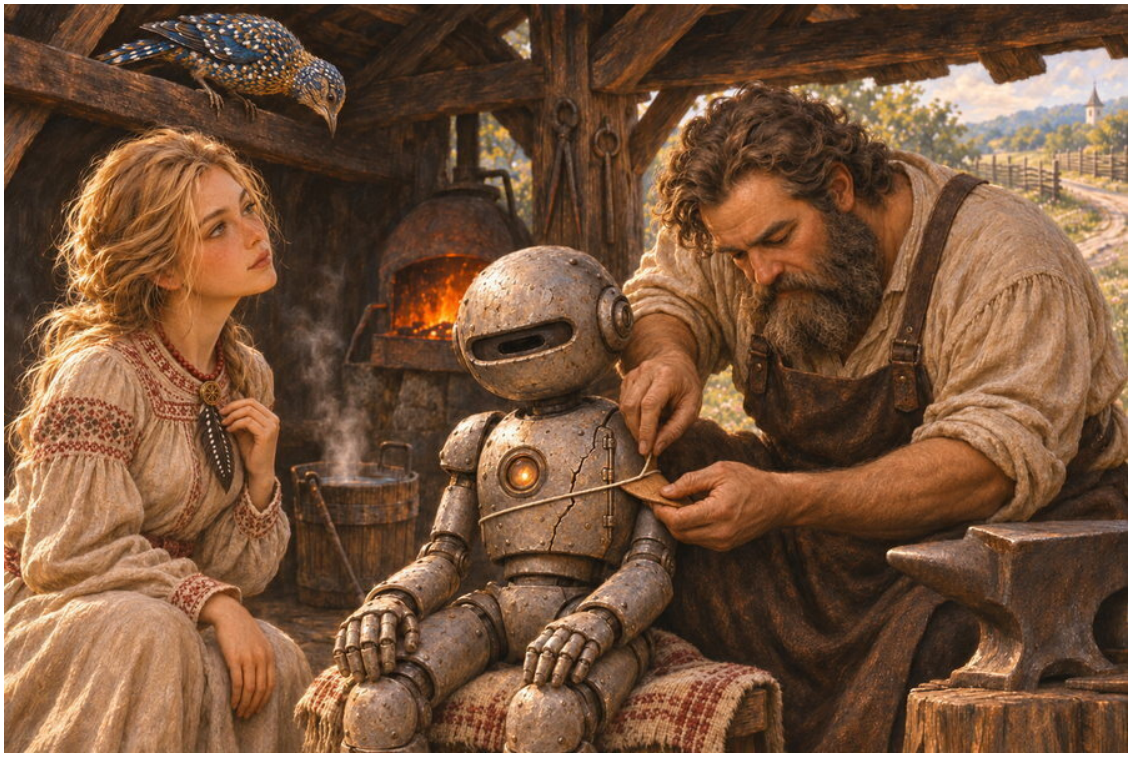
— С этими? Поносить, — сказал Гром. — И не вздумайте за совет платить. Ишь, уже мешок развязывает.

Над навесом хлопнули крылья.

— Нашли! — закричала пёстрая птица. — Всё-таки нашли!

Она села прямо над Ясной и склонила голову к перу.

— Я Пеструшка. Хорошо сидит. Только поверни чуть вбок, а то нос щекотать будет.



Ясна спросила, не нужно ли вернуть находку. Пеструшка сказала, что оставила её в дупле для того, кто заметит, и потребовала рассказать, куда перо уже привело.

Пеструшка выслушала весь рассказ про луг. Ей хотелось знать, за каким пнём тропка сворачивает и с какой стороны к кустам подойти. Когда дошло до рыжего лиса, она перелетела на край навеса и посмотрела на дорогу. Окликать его не стала.

— На знакомом пути каждый день что-нибудь находится, — сказала она. — Будете возвращаться, заглядывайте. Могу показать, где искать. Если захотите.

Пока Гром укладывал остывшую скобу в ящик, Огонёк успел слетать на старую пасеку и вернулся за спутниками. Возле ульев они нашли узелок с монетами и Вдохновением. Ещё несколько искорок светились в траве. Скреп занялся ими, а Огонёк летал от улья к улью. Ни одной пчелы у летков.

— Там, у клеверного лога, одна была вся в пыльце, — сказал он наконец. — Такая тяжёлая, на плетень с разлёту села. Хоть бы сюда долетела.

Он посидел у летка. Из глубины донеслось слабое жужжание. Только тогда Огонёк слетел к остальным.

На обратном пути Пеструшка показала им поворот к реке. Дощечка указателя сползла по столбу и висела надписью в траву. Ветка отвела стебли. Скреп прочёл вслух: «К мельнице». Вдвоём с Яримом они снова приладили дощечку к столбу.

Цель прохода

Дознаватель стоял так прямо, что поначалу Ясна приняла его за столб у дороги. Потом столб повернул голову.

— Назовите цель прохода. Точность — залог порядка.

Ясна указала вперёд.

— Ищем Тишая. Если знаешь здешнего садовника, передай ему, пожалуйста, что у Антоновны дальние яблони в инее. А утром она там босиком ходила.

— Ненормативная цель. Проход приостановлен Уставом.

Скреп перестал перебирать монеты в кошельке.

— Что за Устав? — спросил Ярим.

— Основание порядка. Исполнение обязательно.

Дознаватель шагнул наперерез. Ярим попытался обойти его со стороны реки. Дорогу опять загородила рука. В сгибах рукава белела ледяная крупа. Ярим выставил палку поперёк. Дознаватель размахнулся. Ярим успел отскочить, и удар пришёлся по изгороди. Из прутьев брызнули щепки. Ветка увела Пушинку подальше от забора.

Следующий удар Ясна приняла на палку и едва не выпустила её. Пламенник оттеснил Дознавателя жаром. Ещё шагнул, пошатнулся. Ясна подставила плечо. Сквозь рукав припекало в том месте, куда он положил лапу.

— Сейчас, — выдохнул он. — Дай только отдышаться.

Ясна дала ему отдышаться. Сперва жар сквозь рукав стал послабее, потом Пламенник снял с её плеча лапу и сам шагнул на тропу.

Дознаватель занёс руку для нового удара. Со сгиба рукава посыпался лёд. Он переводил дыхание и на каждом выдохе всё ещё старался выговорить приказ.

— Цель… требуется…

Ярим поднял палку. Из-за его плеча Ясна видела, как у Дознавателя дрожат губы. Она попросила Ярима чуть помедлить.

— Ты сам куда хотел пройти?

Дознаватель ударил опять. Ярим подставил палку, еле устоял. Ясна отшатнулась.

Дознаватель вскинул руку для нового удара, да так и не ударил. Согнулся, хватая ртом воздух, опустился на колено. Ярим удержал палку при себе. Когда дыхание Дознавателя выровнялось, Скреп тронул Ясну за рукав и кивнул в его сторону. Она окликнула Дознавателя с прежнего места.

— А до Устава? Ты помнишь, куда собирался?

Дознаватель долго молчал. На его плечах треснула тонкая корка инея.

— Я идти собирался, — выговорил он. — Сюда пришёл, уже решился. А потом встал поперёк. Так и остался.

Рука его по-прежнему была вытянута от изгороди к реке. Он помедлил и отвёл её. Ясна впервые увидела, куда за его спиной поворачивает тропа.

Ярим не сразу опустил палку. Дознаватель поднялся сам и отступил с дороги.

— Я пойду, — сказал он. — Если позволите. Хочу увидеть, куда она ведёт.

Ясна посторонилась. Дознаватель пошёл чуть поодаль. Ярим ещё поглядывал в его сторону и держал палку наготове. Скреп не проронил ни слова. Так и нёс открытый кошелёк в кулаке, пока одна из завязок не зацепилась за репей.

Колесо Жернова

Мельник стоял на берегу, по локти мокрый. Он так вогнал багор в землю, что тот остался торчать стоймя. За его спиной на неподвижное колесо с шумом лилась вода.

— Вода идёт, — сказал Жернов. — А лопасти облепили Тревожки. Гоню, только громче шумят.

Скреп завязал кошелёк и попросил Жернова показать, как ближе подойти к колесу. Ярим ступил на мостки, качнул доску под сапогом и поманил остальных. Между лопастями дрожали тёмные сгустки. Сквозь шум воды Ясна различила, о чём они бормочут. Вот-вот запруду прорвёт. Вот-вот!

Ясна потянулась к ближайшему, но Жернов окликнул: если колесо пойдёт, руку затянет. Она отдёрнула пальцы и отступила на сухую доску.

С мостков Ярим палкой сшиб первую Тревожку. Пламенник согнал жаром ещё двух. Внизу Навязень уже тянул прядь к Яримову сапогу. Скреп окликнул Дознавателя, и тот перехватил её у края настила. Огонёк высветил у самой воды тёмный комок. Ясна дотянулась до него концом палки. Колесо дёрнулось, Тревожка сорвалась в брызги, и между лопастями загрохотала вода.

Жернов улыбнулся. Но колесо не успело сделать и двух оборотов, как за стеной мельницы что-то сухо стукнуло, раз и другой. Жернов выдернул багор из земли и пошёл к дверям.

Ярим догнал его, на ходу нащупывая завязки мешочка с Камнями.

— Подожди, — сказал Жернов. — Я вам не всё показал.

У дверей Жернов спустил заслонку. Поток пошёл в обводной жёлоб, гул внутри мельницы затих. Мельник снял деревянный кожух. Поперёк верхнего жёрнова от втулки до края шла трещина.

— Колесо пустили. Спасибо. А молоть пока нечем. Я думал, сначала с водой управлюсь, а там… Пятнадцать Камней нужно на новый.

Пушинка заглянула в щель. Между половинками камня влезла бы вся её лапка.

Ярим развязал мешочек и отдал Скрепу. Сам подставил обе ладони. Скреп отсчитал в них пятнадцать Камней. Ярим ссыпал их в шапку Жернова, а Скреп затянул завязки и вернул мешочек Яриму.

— А вы с чем пойдёте? — спросил Жернов.

— С вестью к Гуне, — сказал Ярим. — Что ему передать?

— Теперь схожу договорюсь. Скажите у моста: жёрнов заменю — будет мука.

Он оставил путникам монеты на дорогу, поставил багор сушиться и снял с гвоздя куртку.

За мельницей, выше запруды, Ясна нашла тихое место у воды и выстирала полотняную полоску, которой утром подвязала Скрепу крышечку. Ярим расправил её поверх мешка, чтобы просохла на ветру.

Поляна Улыбок

У моста Гуня запирал ящик с инструментами. Ярим крикнул ему ещё с берега, что колесо пошло, а мука будет, как только Жернов заменит треснувший камень.

— Так вот чего не хватало, — сказал Гуня. — Я каждое утро у воды стою, слышу, как стучит мельница. А нынче так тихо, что я свой молоток ронял нарочно.

На смену ему уже шёл сосед. Гуня дождался, пока тот возьмёт ключ от ящика, взял жердь и попросился с Ясной до Плёсов: там был другой мост, который ему давно хотелось посмотреть.

На развилке дорога к Тишаю уходила вправо, а перо у Ясны на воротнике всё тянулось к светлому просвету слева. День ещё не кончился. Путники свернули посмотреть, что там между деревьями.

Там было светло от низких цветов. Между ними лежали монеты и магические камни, а Вдохновение теплилось на широких листьях. Ярим поставил мешочек в траву. Пушинка скатывала к нему камешки, Ветка отворачивала горловину, чтобы те попадали внутрь.

У дальнего края зашептало: «А вдруг?» Ясна так и вскинулась. Ну вот, и сюда добрался! Первая прядь ещё ползла к её сапогу, когда она прижала её палкой к земле. Ярим наступил на вторую. Третья метнулась к кочке. Скреп перехватил её у самой травы, наступил башмаком. Ясна подняла палку. От трёх прядей остались три полоски серой пыли на песке.

Когда Навязень рассеялся, Ясна села прямо на землю, слишком сердитая для поляны с таким названием.

Огонёк устроился возле неё.

— Я думала, тут будет легко, — сказала она.

— Тут красиво, — ответил он. — Я про легко не знал.

На дальнем пне лежал тёплый осколок. Скреп узнал в нём Радость. А отчего откололся, сказать не мог. Ярим снял с мешка высохшую полоску полотна. Ясна завернула в неё осколок, подогнула концы и убрала свёрток под клапан Яримовой сумы. Свет ещё немного пробивался у шва.

Обратно они шли мимо тех же цветов. Гуня задержался возле мелкого ручья, проверил камни под ногами и перешёл. К сумеркам они снова вышли на основную дорогу.

Что держала Петля

Дед Тишай сидел у края тропы. Он повернул голову на шорох Ясниных шагов прежде, чем она успела поздороваться. Она остановилась поближе, чтобы ему хорошо было слышно.

— Отрада нас к тебе послала, — сказала Ясна. — Я утром бабушкин голос вспомнила, а радости никакой. И у Ярима с домом что-то неладно. Это здешнее?

— Сядь, милая. А днём ты по ком-нибудь скучала?

— У Антоновны яблоко чистили. Я так к бабушке захотела, чуть ей «бабуль» не сказала.

Тишай подвинулся. Ярим сел по другую руку от него.

— Значит, бабушки тебе уже недоставало, — сказал Тишай. — А почему утром было иначе, я пока не знаю. У нас нынче к вечеру даже от воды тянет холодом. Вода приходит с Родника, оттуда и надо разузнавать. Только на пути в Плёсы тропу перехватило. Слышите?

За деревьями что-то поскрипывало. Ясна прислушалась. Совсем как у Ивы, когда ещё не разберёшь, слова это или дерево трётся о дерево. Она рассказала, как они сидели у ручья, пока Ива сама не подняла ветви.

— Впереди другое чувство, — сказал Тишай. — У него теперь много силы. Оно вас к себе просто так не подпустит.

— У Дознавателя тоже было так, — сказала Ясна.

Тот стоял позади и не вмешивался.

— Значит, знаете, как близко пускает, — сказал Тишай. — Петля сейчас и слова не дослушает. Берегитесь. А стихнет — попробуйте спросить.

— Тогда ответит?

— Этого я тебе не обещаю.

Тишай показал посохом на тропу. За низкими деревьями лежала Матёрая Петля Обиды.

Ярим расстелил скатерть, предложил всем воды. Пламенник сел в сторонке остыть. Дознаватель прислонился к дереву. Спешить было некуда. Только за деревьями скрипело, и, стоило скрипу хоть ненадолго стихнуть, Ясна ловила себя на том, что снова ждёт его.

Когда они подошли, Петля взвилась над тропой.

— Опять понадобилась! А вчера вы где были? А позавчера?

Первый удар вышиб у Ясны палку. Пока Пламенник и Дознаватель отводили нить в сторону, Ярим успел поднять палку и вернуть хозяйке. Ветка увела Пушинку за камень и вернулась к Огоньку.

— Ветка, подбери листья. Сейчас горячо будет.

Пламенник уже приподнял лапы, но всё глядел на Ветку. Последний листочек скользнул к ней под локоть. Тут Пламенник взмахнул лапами, и Петле навстречу брызнули искры.

«Мы тебя не забудем», — чуть было не крикнула Ясна. Легко ей было бы это сказать. А если завтра их и вправду не будет рядом? Она прикусила губу.

Петля затянулась снова. Гуня отступил к сухому дереву и выставил жердь. Ярим оттолкнул Скрепа из-под удара, а ему самому нить полоснула по запястью. Пока Пламенник удерживал Петлю поодаль, Огонёк подлетел посветить. У Ярима на коже вздулась красная полоса. Ясна прикрыла её тёплой ладонью.

Нити становились тоньше. Ярим уже мог удержать палку поперёк тропы, не отступая после каждого удара. Скреп показал Ясне просвет за камнем. Она шагнула туда. Теперь между нею и Петлёй лежал камень, и нити, хлеставшие тропу, не доставали ей до ног.

— Я здесь, — сказала она. — Не знаю, что с тобой случилось. Могу послушать сейчас.

— Сейчас, — повторила Петля. — А потом?

Ясна молчала. Ярим стоял рядом, опираясь на палку. Дознаватель опустил руку, но не отвернулся.

Петля дёрнулась. Скреп попятился от летящей нити, оступился и упал на колено. Пальцы заскользили по осыпи у камня.

— Чуть левее! — крикнула Ветка.

Один из её листочков трепетал у щели в камне. Скреп нащупал щель, упёрся ладонью в уступ и поднялся. Ветка уже подобрала листья, чтобы он мог отойти за камень. Ясна дождалась, когда стихнет скрежет.

— Я не знаю про потом. Сейчас мы остаёмся.

— Ведро у них тяжёлое — зовут, — проскрипела Петля. — Хлеб привезут — опять зовут. А как сядут его есть, хоть бы раз кто выглянул за дверь.

Ясне вспомнилась Отрада у калитки с тёплой краюхой в руке. Она села на камень. Ярим устроился рядом. Пламенник ушёл остывать на траву, а Петля говорила и говорила. Иногда один голос сбивался, и другой подхватывал с полуслова.

Наконец одна нить отпустила другую. Внутри разомкнувшейся Петли стояло маленькое существо. Оно подняло руку и разогнуло пальцы. Постояло, глядя на раскрытую ладонь, и тихонько разжало другой кулачок.

— Кажется, отпустила, — сказало оно.

Огонёк приблизился, но остановился, ожидая. Существо протянуло к нему ладонь.

Тишай принёс воды. Маленькое существо взяло кружку обеими руками, подуло, как дуют на горячий чай, и удивилось, что вода холодная. Тишай сел с ним рядом, отпил из своей кружки. Оба пили маленькими глотками.

Когда Ярим поднялся, существо тоже поставило кружку.

— С нами хочешь? — спросила Ясна.

Оно кивнуло и взяло её за палец. Тишай остался у тропы: на скрип Петли до сих пор боялись идти, и он хотел встретить первых прохожих. На прощание он показал Яриму, где дорога спускается в Плёсы.

Дорога остаётся

За деревьями начинался туман. У обочины поблёскивало ещё несколько Камней. Ветка собрала их и сунула Яриму. Тот привычно оттянул горловину мешочка, как давеча на Поляне Улыбок делала она.

— Сумеречные Плёсы, — сказал Скреп.

Ясна оглянулась. Над верхушками деревьев ещё виднелась тонкая струйка дыма. Чья печь, отсюда не разберёшь. Ясна подумала, что всё-таки узнает дорогу обратно: у мельницы надо повернуть к указателю, от моста до садов она и в сумерках дойдёт.

— У Отрады, наверное, уже пироги, — сказала она.

— Антоновна обещала разнести, — напомнил Ярим.

Ярим поправил ремень мешочка. Гуня уже занёс жердь поперёк тропы. В двух шагах ничего не разглядеть, а спутники всё идут. Он помедлил, перехватил жердь за середину и взял на плечо.

— Устав… — начал Скреп и замолк. Ясна остановилась рядом. Впереди, на самой кромке тумана, их дожидался Дознаватель.

— Я про него ещё спрошу, — сказала она Скрепу.

— Знаю.

Скреп догнал Дознавателя. Ясна пошла следом, приноравливая шаг к маленькому спутнику.

Огонёк вылетел вперёд и повис над тропой. В тумане его света едва хватало на несколько шагов. Ярим поравнялся с Ясной, и они вошли следом за ним.

Конец первой части.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.